

Алиса
Росман

Изоранная
КНЯГИНЯ

Алиса Росман
Избранная княгиня

«Автор»

2026

Росман А.

Избранная княгиня / А. Росман — «Автор», 2026

ВНИМАНИЕ! Это вторая часть. Первая часть "Опальная боярыня" После предательства мужа, я старалась сохранить наши земли и защитить людей, но столкнулась с проблемой – князь, вступивший в жуткий древний культ, хочет обратить людей в свою веру. Я не позволю этому случиться и буду бороться до конца. За своих людей, за свои земли и за свою семью. Что может сделать женщина, в отчаянном положении? Я собираюсь стать княгиней, восстановить право на свои земли и защитить людей от древнего проклятья.

© Росман А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Алиса Росман

Избранная княгиня

Глава 1

Я гнала лошадь все сильнее, заставляя ее выкладываться на пределе, и в какой-то момент сердце сжалось от жалости к животному – его бока ходили ходуном, шерсть взмокла от пота. Но останавливаться было нельзя.

Стражи и князь пытались не отставать. Воины кое-как справлялись, хотя их кони были измучены не меньше. Но сам князь держался в седле неуверенно, почти по-детски. Конечно, в дальние поездки его возили в карете или на носилках.

Верховая езда для него была давно забытым, аристократическим развлечением, а не навыком.

Проскакав несколько долгих, напряженных часов, мы наконец остановились на небольшой поляне. Люди, едва слезши с коней, тут же принялись разводить костер и варить какую-то похлебку из дорожных припасов. Князь, тяжело дыша, подошел ко мне, пока я понуро сидела на пне, растирая затекшие руки.

– Я чувствую, Ольга, что ты замыслила что-то, – начал он тихо, но так, чтобы его слова прозвучали как личное предупреждение. – Чую это кожей. Ты хочешь меня предать. Но у тебя не выйдет. Будь моя воля, я бы придушил тебя там же, в лесу, и бросил в реку, чтобы даже черви не нашли. И плевать мне на твоих выродков и на Мирослава. Но я дал слово Неждане. Она убедила меня, что ты... ценна. Говорит, люди тебя слушают. Да, деревушка твоя – что мышьяк в амбаре. Но знаешь, что началось после того, как твой муж сбежал? По другим деревням, по селам поползли слухи. Слухи о сильной женщине, что одна держит земли, сама управляет, сама зарабатывает и людям помогает. Такие слухи мне, Ольга, очень не нравятся. Они порождают брожение. А я не терплю брожения.

– Да, понимаю, – сухо ответила я. – Вам, должно быть, неприятно, когда о ком-то говорят больше, чем о вас.

– Не смей так со мной разговаривать! – его голос резко взметнулся, но тут же упал, переходя в опасное шипение.

– Пока мы не в деревне, я буду говорить, то что считаю нужным. А когда мы войдем в деревню, я выйду на площадь и скажу людям, что они должны вам поклоняться, что вы – самый великий и мудрый правитель, и что они могут вам доверять, как доверяю я. А потом вы меня отпустите.

– Я тебя не отпущу, – холодно отрезал он. – Ты будешь сидеть в своем доме под замком и наблюдать, как все идет своим чередом. Чтобы у людей даже мысли не возникло о твоём бегстве. А дети? Скажешь, что их увез непутевый муж и они... потерялись в лесу. Или погибли. Придумай сама. Тебя будут жалеть. Жалеть легче, чем боготворить.

От его слов, произнесенных таким спокойным, бытовым тоном, по спине пробежал ледяной холод.

Я лично встречалась с князем всего пару раз в жизни, на больших праздниках, и тогда он казался мне недостижимым, мудрым и справедливым воплощением власти. Я тогда и в глаза-то ему смотреть боялась, робела. Я была уверена, что он правит по совести и чести.

Как же я была слепа и наивна.

Сейчас же, прожив свою жизнь, пройдя через предательство и страх, я видела перед собой не правителя, а одержимого. Одержимого жадной абсолютной власти и темными силами, которые он призвал себе в помощь.

Ему было мало простого подчинения. Ему нужно было обожание, поклонение, магия, пронизывающая каждый вздох его подданных. Образумить такого человека было невозможно. Его сознание было отравлено до самого основания.

Но одно в его монологе дало мне слабую, едва теплящуюся надежду. Слухи. Слухи обо мне ходят по другим деревням. Значит, я не одна. Значит, есть те, кто может если не помочь, то хотя бы понять. Мне нужно было сделать так, чтобы этот шепот превратился в голос.

Привал закончился быстро. Мы снова двинулись в путь, но теперь уже медленнее – и люди, и кони были на пределе. Я молчала, но внутри меня кипело. Мне не терпелось добраться до деревни, своими глазами увидеть, что там творилось все эти дни. Чувство вины за тех, кого я оставила, грызло меня изнутри. Я так хотела им помочь. И теперь, казалось, появился шанс.

Но больше всего сердце ныло по детям. Я представляла их испуганные лица, их тихие вопросы. Их мать постоянно пропадала, отец исчез. Но если у нас сейчас все получится... если мы выстоим... то я смогу дать им то, в чем они нуждались больше всего – безопасность, покой и уверенность в завтрашнем дне. Они были всего лишь детьми. Им нужны были любовь и забота, а не бесконечный страх.

Князь больше не подходил и не заговаривал со мной. Лишь когда впереди, в дымке, показались первые покосившиеся заборы нашей деревни, он прищпорил коня и поравнялся со мной.

– Последний раз повторяю, – его голос был тихим, но каждое слово врезалось в сознание, как гвоздь. – Не вздумай ничего выкидывать. Если сделаешь хоть шаг в сторону от того, что мы обсудили, я прикажу поджечь деревню. Сжечь дотла. Ты поняла? А тебя тронуть не дам. Оставлю жить. Чтобы ты сидела на этом пепелище и до конца своих дней оплакивала то, что натворила.

Холодный ужас сковал меня, но я кивнула, не глядя на него.

– Я поняла. Я выйду и скажу то, что нужно.

– Мы будем следить за каждым твоим движением, – закончил он и отъехал, растворившись среди своих стражников.

Деревня приближалась. Мое сердце заколотилось с новой силой – теперь уже не только от страха, но и от решимости.

Когда мы въехали в деревню, первое, что бросилось в глаза – это количество стражников. Они стояли на каждом углу, у каждой двери, образуя мертвую, застывшую цепь.

Их было так много, будто собрали полк. Неужели мои «подвиги» наделали столько шума по округе, что потребовалась такая сила?

Или в других деревнях дела обстояли еще хуже, и князь просто перебросил сюда своих людей?

Раньше я об этом не задумывалась. Моя жизнь была замкнута в кругу вечных забот: дети, дом, бесконечные дела деревни.

Я крутилась как белка в колесе, не поднимая головы, не слушая вестей извне. Я заботилась только о своих клочках земли. Оказалось, проблема уходит корнями гораздо глубже, раз сам князь лично явился в такую глушь с целым отрядом.

Раньше я думала, что все зло исходит от Нежданы, жаждущей власти. Но слухи обо мне, видимо, успели разлететься так далеко, что просто так стереть меня со счетов они уже не могли.

Когда мы подъехали к центральной площади, к убогому деревянному помосту, который служил нам и местом сходов, и лобным местом, я увидела ее. Неждану. Она стояла в белой, неестественно чистой мантии, сложив руки на груди, и смотрела на меня с торжествующей, ядовитой ухмылкой.

Вокруг нее толпились другие в белом – несколько моих деревенских, чьи лица казались застывшими масками. Эти одежды им не шли.

Эти люди привыкли к грубой холстине, пропахшей потом, землей и дымом. Их руки были приспособлены держать топор, тянуть плуг, мастерить, а не складываться в молитвенных жестах. Возможно, этот культ и давал князю с Нежданой какую-то извращенную силу, но он точно не помогал пахать поле или печь хлеб.

Мы остановились на площади. Я спрыгнула с седла, едва чувствуя ноги от усталости, и привязала свою загнанную лошадь у столба таверны. Конь тут же жадно набросился на оставленную кем-то охапку сена. Я провела рукой по его взмыленной шее, прошептав благодарность за верную службу.

Затем, собрав все свое мужество, я подошла к помосту и, цепляясь за грубые ступени, поднялась наверх. Стоя в центре, я почувствовала себя невероятно одинокой и уязвимой.

По команде, которую, видимо, отдали заранее, из домов начали выходить люди. Их держали взаперти, это было очевидно. Они выходили робко, испуганно, их лица были серыми от недоедания и страха, а глаза – потухшими, без единой искры надежды. Они смотрели на меня не как на спасительницу, а как на еще одно несчастье.

Я встала прямо и начала говорить, заставляя голос звучать громче, чем позволяло сжатое от волнения горло.

– Дорогие мои! Мой народ! Я вас не бросила! – Я намеренно обернулась, встретившись взглядом с князем, а затем продолжила. – Мне пришлось ненадолго уехать. Думаю, вы понимаете... обстоятельства.

– Быстрее, – прошипел князь сбоку, но я сделала вид, что не слышу.

– Я вижу, как вам тяжело. И знаю, что многие из вас не понимают, что происходит. Но я хочу вас заверить – все будет хорошо. Я всегда была на вашей стороне. Помогала вам в самые трудные времена. Вы знаете, что мой муж, Мирослав, пропал. И я говорила вам, что он уехал по торговым делам. Простите меня – это был единственный раз, когда я вам солгала. Но солгала не вам, а тем, кто хотел отобрать у нас все. Я делала это, чтобы меня не сместили, чтобы нас не лишили дома. Потому что мы все знаем – женщине не положено управлять землями. Таков закон.

Я сделала паузу, дав этим горьким словам осесть. А потом продолжила, меняя интонацию на более светлую:

– Но сейчас обстоятельства снова изменились! И у меня для вас прекрасная весть! Князь, в своей великой милости... простил нам все долги!

Искра. Маленькая, едва заметная искорка вспыхнула в потухших глазах. Сначала в одном, потом в другом. Люди переглянулись. Это была не надежда на спасение души, а простая, человеческая надежда на то, что завтра не придется голодать из-за непомерной подати.

– Что ты несешь?! – шипением змеи прозвучал голос князя прямо у меня за спиной.

Я повернулась к нему. Он все еще сидел на своем коне рядом с помостом, но его осанка потеряла прежнюю надменность.

– Это же для вас мелочи, копейки, – тихо, но внятно сказала я ему. – А мне нужно, чтобы они вам поверили. Чтобы знали, что вы великодушны. Это поможет склонить их на вашу сторону.

– Продолжай, – сквозь зубы бросил он, отворачиваясь.

– И вот наш князь, – я снова обратилась к толпе, – удостоил нас чести, приехал в нашу маленькую, скромную деревушку, о которой в больших городах, я думала, и не слыхали! Но

оказалось, слава о нашем трудолюбии, о том, как мы справляемся с невзгодами, разошлась далеко!

Я скользнула взглядом по стражникам. Видела, как они расслабляются. Несколько отошли от своих постов, сбились в кучку, опустив оружие, переговариваясь. Они поверили спектаклю. Для князя была важна эта показная победа, этот триумф воли. И он почти достиг ее.

Неждана стояла слева от помоста, не сводя с меня ледяного, полного ненависти взгляда. «Ты будешь первой, кому я предъявлю счет», – пронеслось у меня в голове. За всю боль, за все унижения.

– Вы знаете, я всегда вас защищала, – продолжала я, и голос мой зазвучал с новой силой. – В голодные годы делилась с вами последним. Поднимала ремесла, чтобы мы могли выжить. Мы были одной семьей. И мы должны ею остаться!

Я видела, как люди инстинктивно придвигаются друг к другу, а стражники ведут себя все беспечнее. Даже князь, казалось, уже устал от игры и думал, как бы слезть с этого проклятого седла.

– Наш князь... – я взмахнула рукой в его сторону, собираясь с силами для финального аккорда. Глубокий вдох. И затем я крикнула так, чтобы меня услышали на окраинах, вскинув правую руку в отчаянном, условном сигнале: – НАШ КНЯЗЬ – ПРЕДАТЕЛЬ! ОН ОБРАТИЛСЯ К ТЕМНЫМ, ДРЕВНИМ СИЛАМ, КТО НЕС НА ЗЕМЛЮ ПРОКЛЯТИЯ И СМЕРТЬ! НЕ СЛУШАЙТЕ ЕГО! НЕ ВСТУПАЙТЕ В ЕГО КУЛЬТ! ВЫ СВОБОДНЫЕ ЛЮДИ! БЕГИТЕ! СПАСАЙТЕ ДЕТЕЙ И СПАСАЙТЕСЬ САМИ!

– Женщина, что ты творишь?! – рев князя был полон ярости и неверия.

На мгновение воцарилась мертвая тишина, а затем площадь взорвалась. Стражники, ошеломленные, метались, не понимая, что делать. Рядом с моей головой с противным свистом пронеслась стрела, вонзившись в деревянный столб позади меня. Я отпрыгнула в сторону и упала на помост.

Глянув на князя, я увидела, как он качнулся в седле и с криком рухнул на землю. Я подумала, что его убили, но нет – стрела вонзилась ему в плечо.

Воздух наполнился свистом и жужжанием. Стрелы сыпались теперь со всех сторон – из-за домов, из леса. Я видела, как падают стражники, сраженные меткими выстрелами.

Женщины с визгом бросились обратно в дома, а мужчины, мои мирные крестьяне, хватая все, что попадалось под руку – лопаты, вилы, дубины, – с рёвом бросились на ближайших стражников.

Я подползла к одному из раненых воинов, вырвала из его ослабевших рук арбалет, с дрожащими пальцами взвела его, вставила болт и, почти не целясь, выстрелила в белый силуэт, мелькнувший вдали.

Я никогда не убивала. Никогда.

Тело содрогнулось от ужаса и отвращения к самой себе, но разум твердил одно: «Защити их. Защити свой дом».

Слезы застилали взгляд. Прокравшись под помост, я, прячась за балками, продолжала стрелять, и каждый выстрел отдавался болью в сердце.

И тогда раздался новый звук – дикий, нечеловеческий боевой клич, и в самую гущу суматохи врезался отряд Рагира. Их было не много, но они шли как стальной клин, сметая всё на своем пути.

Я вскочила, укрываясь за их спинами, и бросила взгляд туда, где только что был князь. Его уже не было. И Неждана исчезла. В хаосе и неразберихе я потеряла их из виду.

Меня резко схватил за руку Афон и потащил прочь с площади.

– В дом! Быстро! Мы справимся!

– Князь! Где князь?! И Неждана, она была здесь!

– Неважно! Прячьтесь! Вы сделали все, что могли!

Он буквально втокнул меня в первую попавшуюся избу и захлопнул дверь. Я прислонилась к ней спиной, слушая, как снаружи гремит ад: крики, звон металла, стоны. Дрожащими руками я все еще сжимала арбалет.

Я справилась. Сигнал подан. Они пришли. Теперь все зависело от них. «У них получится, – повторяла я про себя, как мантру, чувствуя, как по щекам текут слезы. – Они должны справиться».

Глава 2

Я продолжала прислушиваться к затихающему шуму за дверью, пытаясь различить крики победы или стоны поражения. Но тут из глубины дома донесся едва уловимый шорох, а затем – приглушенный, болезненный стон.

Я крепче сжала в руках арбалет, пальцы онемели от напряжения, и двинулась вперед.

Домик был крошечным: одна главная комната, где я стояла, и еще одно помещение, вход в которое был завешен старым, грязным одеялом, свисавшим до пола.

Сделала несколько осторожных шагов. Первым порывом было окликнуть, спросить, не прячется ли здесь кто из своих.

Но какое-то внутреннее, животное чутье остановило меня. Я молча подкралась к занавесу, прислушалась секунду и затем, резким движением, откинула его в сторону.

Слабый свет из главной комнаты выхватил из темноты чью-то руку, лежавшую на грязном полу. Я чуть не бросилась вперед, но вовремя замерла.

Сорвав занавес полностью, я увидела больше. На полу, прислонившись к стене, сидел князь. Его лицо было белым как мел, он тихо стонал. Из плеча, чуть ниже ключицы, сочилась темная, вязкая кровь, пропитавшая его роскошный, а теперь испачканный кафтан.

Первым инстинктом было броситься помочь, перевязать рану. Я заметила, что стрелу он уже вытащил – она валялась рядом, вся в крови. Вокруг были разбросаны окровавленные тряпки и обрывки ткани. Видимо, кто-то уже пытался остановить кровь, но явно не он сам в его состоянии.

– Кто здесь еще? Есть кто? – резко спросила я, озираясь по сторонам.

Князь лишь бессильно мотнул головой, глаза его были мутными от боли и потери крови. В крошечной камерке прятаться было негде.

И тут мой взгляд упал на пол – там лежала смятая, забрызганная алым шаль. Белая, тонкая шерсть, с изящной ручной вышивкой роз и лютиков. Я узнала ее сразу. Это была шаль Нежданы. Она была здесь. Она пыталась ему помочь, а потом сбежала, бросив его на произвол судьбы.

Я выскочила обратно в главную комнату, сердце колотилось. Ее запах – смесь дорогих духов и чего-то горьковатого, травяного – все еще витал в воздухе.

Я открыла небольшой сундук в углу, и оттуда пахло ладаном и сушеными травами. На самом верху лежали аккуратно сложенные белые одеяния культа. А под ними – знакомое бархатное платье Нежданы, в котором она щеголяла при дворе. Так и есть. Они выбрали для укрытия этот же самый дом.

Я вернулась к князю. Подобрала с пола его же окровавленный плащ, оторвала от подкладки менее грязный кусок и, свернув его, с силой прижала к ране.

– Держите! Прижмите рукой, чтобы не истекли кровью! – скомандовала я ему, вкладывая его ледяную ладонь в свою.

Он что-то прошептал, но слова были бессвязны, пугающе тихи. Разумнее всего было бы обездвижить его, но, глядя на его бледное лицо, казалось, он и так никуда не денется.

Однако рисковать было нельзя. Я снова метнулась к сундуку, перерыла его и в самом низу, под всяким хламом, нашла то, что искала – крепкую, длинную веревку из грубого льна.

Вернувшись, я быстро обмотала веревку вокруг его лодыжек, затянула тугим узлом, а второй конец намертво привязала к тяжелой дубовой ножке кровати.

Ненадежно, но в его состоянии хватит. Подхватив арбалет, я снова подошла к двери.

Приоткрыв ее на щель, я выглянула. На улице стояла непривычная, звенящая тишина, нарушаемая лишь стонами и приглушенными разговорами. Неподалеку от дома сидели в ряд несколько связанных стражников, другие лежали без сознания. И как только я сделала шаг из укрытия, ко мне бросился Алексей.

– Боярыня! Слава всем силам, вы живы! Вы... вы в крови! Вы ранены?!

– Нет, это не моя, – быстро ответила я. – Князь. Он в доме. Ранен в плечо. Неждана, кажется, сбежала.

– Что будем с ним делать?

– Нельзя дать ему умереть. Нужно связать его получше и найти знахарку.

– Знахарки... они либо сбежали, либо... их нет в деревне.

– Хорошо, – я сжала кулаки, чувствуя тяжесть новой ответственности. – Тогда я сама займусь им. Алексей, охраняй этот дом. Никого не подпускай и никого не выпускай.

В этот момент к нам подошел Афон, вытирая окровавленный клинок о штанину.

– Князь там, раненый, – кратко доложила я. – Неждана скрылась. Афон, помоги Алексею его сторожить. Он нам еще может пригодиться.

Я прошла по площади, ощущая странную смесь опустошения и призрачной победы. Картина была сюрреалистичной: связанные стражники, наши мужики, суесящиеся вокруг раненых, запах крови и пыли. Мы справились. Пока что.

Ко мне подошел Всеволод Рагир. Его лицо и одежда были перепачканы грязью и кровью, на лбу блестела испарина, но в глазах горела усталая решимость.

– Ты ранен? – спросила я, указывая взглядом на его куртку.

– Чужая, – отмахнулся он. – А вы, я смотрю, научились стрелять.

– Пришлось, – я протянула ему арбалет. – Надеюсь, он мне больше не понадобится. Много ли мы потеряли?

– Раненые есть. Погибших среди наших – нет. Они были слишком самоуверенны. Часть стражников разбежалась в лес. Жди подвоха. Остальных – вот они. Что прикажете?

– Отвести их в большой сарай у моего дома. Ты его знаешь. Пусть там сидят под замком.

Я подошла к Рагиру ближе и понизила голос:

– Князь в том доме. Ранен. Я его перевяжу.

– И что с ним будет?

– Вылечим. Он – наша козырная карта. Пока что не знаю, какую игру вести, но живой он полезнее мертвого.

Рагир лишь кивнул, и его люди приступили к исполнению приказов. А я тем временем побежала в дом Агафьи, насколько хватило сил. В хаосе там все еще оставались склянки с зельями, пучки трав и бинты.

Схватив все, что могла унести, я вернулась на площадь и принялась за самое тяжелое – помощь раненым.

Мы работали до глубокой ночи, пока не стемнело окончательно. Силы покидали меня, каждое движение давалось с трудом. Но я знала – это только начало. Самое сложное было впереди.

Когда последние стражники были заперты в сарае под охраной, а наши раненые размещены по домам, мы вчетвером – я, Рагир, Афон и Алексей – собрались на кухне в моем разгромленном, но все еще родном доме.

Сказали бы мне пару месяцев назад, что я буду сидеть за одним столом с этим трио, я бы поклялась, что сошла с ума. Но сейчас это была моя единственная опора.

– У меня нет военного опыта, – начала я, глядя на их усталые лица при свете коптящей свечи. – Я знаю, как пахать землю, как считать деньги, как налаживать быт. Но как защитить все это... Я не знаю. И даже не знаю точно, от кого. Теперь мне нужна ваша помощь.

Рагир сидел напротив, его взгляд был тяжелым и оценивающим.

– Я не могу обещать чудес, – сказала я, обращаясь в первую очередь к нему. – Но если вы поможете нам отстоять эту землю и сделать ее безопасной для людей... ваши люди могут остаться здесь. Построить дома, перевезти семьи. Сейчас, конечно, это опасно. Но я верю, что вместе мы сможем это исправить.

Рагир коротко кивнул.

– Мне нужно осмотреть деревню и подумать об обороне. Вы правы, боярыня. Мы не знаем, откуда ждать удара. Князь здесь, часть его людей – тоже. Но это верхушка айсберга. Остальные сбежали. Куда? И что будут делать? Возвращаться с подкреплением?

– И нельзя забывать про Неждану, – добавила я. – Не представляю, на что она еще способна и к кому побежит.

– Кажется, я знаю, с чего начать, – негромко сказал Алексей. Все повернулись к нему. – Слухи о вас, боярыня, уже пошли. О том, как вы держитесь, как помогаете людям. Нужно этим воспользоваться. Я поеду по соседним деревням, поговорю с людьми. Расскажу правду о том, что здесь произошло. А потом... – он перевел взгляд на Рагира, – нужно искать союзников среди соседних князей. Тех, кто не в этом культе.

– Разведкой займусь я, – отозвался Рагир. – Пошлю своих людей, узнаем, кто друг, а кто враг. Чтобы не напороться на таких же фанатиков.

Я кивнула. План, хоть и зыбкий, начинал вырисовываться.

– Завтра я поговорю с князем, – сказал Рагир. – Попробую вытянуть из него что-нибудь полезное. А потом решим, что с пленными. Держать их в сарае – не выход. Кормить надо, охранять. А наши люди вряд ли захотят за ними ухаживать после всего.

– Давайте сегодня отдохнем, – вздохнула я, чувствуя, как веки слипаются. – Завтра займемся деревней, укреплениями. И... может быть, уже можно будет вернуть детей. Хотя боюсь, здесь еще небезопасно.

Глава 3

Звон оружия, которым люди Рагира проверяли трофейные клинки, и их суровая, деловая суета выглядели непривычно и сюрреалистично на фоне наших тихих, покосившихся улиц.

Идя по центральной дороге, я все еще не могла поверить в то, что случилось за эти немислимые дни. Воздух пах дымом, холодной землей и тревогой.

Мои дети и Зарема уже были дома, в стенах, которые больше не казались безопасными. Люди постепенно возвращались в свои избы, но страх витал над деревней, густой и липкий, как туман.

Они боялись, что кошмар повторится, что снова придется бежать. Но на этот раз мы не будем застигнуты врасплох. Мы подготовились. В тайниках по лесу были спрятаны запасы: оружие, теплая одежда, неприхотливая еда.

Мы не знали, откуда ждать удара, но я была готова ко всему. Я была уверена: Неждана и сбежавшие стражники уже ищут союзников, чтобы вернуться и стереть нас с лица земли окончательно.

Я прошла мимо пустого, безмолвного центрального рынка и свернула к дому Агафьи. Вернее, к тому, что от него осталось. После штурма часть крыши обвалилась, а сами знахарки бежали и пока не возвращались – то ли скрывались, то ли искали травы для раненых в дальних чащах.

Теперь здесь, под усиленной охраной людей Рагира, содержался князь. Я доверяла своим односельчанам, но в душе шевелился червячок сомнения.

А вдруг среди них остались предатели?

Не обязательно идейные последователи культа, а просто запуганные люди, готовые переметнуться к сильнейшему из страха. Ведь численность и выучка княжеских воинов все еще превосходили наши скромные силы.

Поэтому я, стараясь не показывать тревоги, поручила самым близким и проверенным – Игнату, Алексею – зорко следить за всеми и немедленно докладывать о любых подозрительных разговорах или действиях.

Подходя к полуразрушенному дому, я увидела Рагира. Он стоял, скрестив руки, и тихо, но властно отдавал распоряжения своим людям. Заметив меня, он кивнул им в знак окончания разговора и направился ко мне.

– Боярыня Ольга, – произнес он, и в его обычно хрипловатом голосе прозвучала непривычная, почти галантная нота. – Выглядите сегодня... прекрасно. Надеюсь, немного отдохнули?

Он неожиданно взял меня под локоть, легким, но уверенным движением направляя в сторону от дома и любопытных взглядов.

Я резко высвободила руку, чувствуя, как по спине пробежали мурашки – не от страха, а от раздражения.

– Твои комплименты сейчас совершенно неуместны, Всеволод, – сказала я тихо, но так, чтобы каждое слово было четким. – Тем более на людях. Не забывай, я все еще замужняя женщина. И, что куда важнее в наших обстоятельствах, я – боярыня, глава этой общины. Подобных вольностей я не потерплю.

Рагир отступил на шаг, но не смутился. На его лице, изборозженном шрамами, тронулась тень улыбки.

– А мне, знаете ли, все эти чины и условности давно безразличны, – усмехнулся он, и его глаза, холодные и насмешливые, внимательно изучали мое лицо. – В лесу, боярыня, действуют другие законы. Или вы уже забыли, кто помог вам их отстоять? – Он нарочито медленно подмигнул, и в этом жесте была и дерзость, и некое странное, негласное понимание. И вам нужно уже забыть обо всем об этом. Новые правила, новая жизнь. Подумали бы вы несколько месяцев назад о том, что будете здесь главной.

– Главной... Это только слова, – возразила я, но в голосе уже не было прежней жесткости.

– Но вы доказали делом, что можете заботиться о своих. А это в наших краях дороже любых титулов, – парировал Рагир, и в его тоне не было лести, лишь констатация факта.

Мы остановились в тени развесистой старой ивы, что росла неподалеку. Я внимательно взгляделась в его лицо. Еще недавно он казался мне отпетым разбойником, исчадием лесной глуши, с которым нельзя иметь дело. А сейчас...

Я смотрела в его глаза – темные, пронизательные, лишенные привычной для придворных масок. И мне казалось, что в них читается какая-то грубая, но искренняя правда.

Не честность святого, а прямолинейность человека, который не привык лгать, потому что его законы и так суровы и просты.

– Как князь? – спросила я, меняя тему.

– Ночь прошел тихо. Бредил, стонал. Мои ребята... просились с ним «поговорить» по-свойски.

– Я же просила не трогать его, – сказала я резко. – И не из жалости, поверь. Но его нужно привести в чувство, а не добить в полузабытьи. Потом уже будем выяснять, что к чему.

– Время не ждет, боярыня, – Рагир хмуро потер подбородок. – Я бы предпочел выбить из него все, что можно, побыстрее. А там – хоть трава не расти. Так надежнее.

– А я предпочитаю не спешить, – парировала я. – Мне кажется, он может быть ценнее живым. Как разменная монета, козырь в игре.

– Вы дальновидны, – Рагир усмехнулся, и в усмешке была тень уважения. – Я же привык рубить узлы, а не развязывать. Чтобы хвостов не оставалось.

– Именно этот «хвост» может нам пригодиться. – Я посмотрела на задымленные крыши деревни. – Как вообще дела? Что с обороной?

– Дома латаем, укрепления ставим – частокол поправляем, вышки сторожевые. Люди у вас сноровистые, в руках дело спорится. В ближнем бою, конечно, им против дружинников не выстоять... но со стрельбой из лука да арбалета дело обстоит куда лучше.

– Многие с детства охотятся в лесах. Это у них в крови.

– Это видно. И это – наша главная надежда. Часть моих людей скоро подтянется сюда с семьями. Другие поскачут по окрестным деревням, будут уши наострять. Говорят, шупальца этого культа уже и туда дотянулись. Много народу в страхе разбежалось, ищет, где укрыться.

– Думаю, мы сможем им помочь. Дать приют.

– Сможем, – кивнул Рагир, но лицо его стало серьезным. – Но нужно будет отделять зерна от плевел. Кто просто беженец, а кто... шпион. Должны же быть у них какие-то метки, знаки свои. Отличительные. Нужно быть зорче ястреба со всяким, кто потянется к нам за помощью.
– Надо выяснить.

– А об этом вам лучше с самим князем и поговорить, раз уж не даете мне это сделать по-хорошему, – бросил Рагир мне вслед.

Я кивнула, не оборачиваясь, и направилась к покосившемуся дому Агафьи. Когда я переступила порог, в нос ударил густой, сложный запах – затхлости старого дерева, горьковатой пыли сушеных трав и едкого, сладковатого дыма от вчерашнего варева.

При свете, пробивавшемся через затянутое паутиной окно, на столе виднелись раскрытые потрепанные книги знахарки и несколько склянок с мутными жидкостями, которые я, дрожащими от усталости руками, пыталась составить по рецептам.

Уверенности в их действии не было ни капли, но выбрать не приходилось. Доверять в этом деле было некому.

Я подошла к князю. Он лежал на грубом лежанке посреди бывшей кухни, на котором когда-то спали ученицы Агафьи. Он казался восковым: кожа была бледной и влажной, покрытой сероватыми пятнами, как у тяжелобольного. Глаза были закрыты, а дыхание – неровным, поверхностным, почти неслышным.

Я коснулась его лба кончиками пальцев – под кожей бушевал жар. Осторожно размотала старую повязку на его плече.

Рана, хоть и не смертельная, была воспаленной и сочилась. Я промыла ее отваром ромашки, наложила свежую примочку из измельченных корней и снова перевязала чистым, хоть и грубым, холстом.

Затем налила в небольшую глиняную пиалу другого зелья – противолихорадочного, пахнущего мятой и чем-то горьким. Подсунув руку под его шею, я приподняла его голову.

– Пейте, – тихо, но настойчиво сказала я.

Он что-то пробормотал, губы шевельнулись, но звуков не было.

– Пей! – уже тверже приказала я и поднесла пиалу к его губам, наклоняя.

Сначала жидкость просто стекала по подбородку. Но затем, будто сквозь толщу кошмара до него дошла команда, он инстинктивно сделал глоток.

Потом еще один, и еще – с внезапной, животной жадностью, будто пил не горькое варевое, а живительную влагу после долгой жажды.

Он поперхнулся, закашлялся сухим, раздражающим кашлем. Я подняла его выше, поддерживая, и похлопала по спине. Он на мгновение оперся на локоть, и его взгляд, мутный, невидящий, скользнул по мне, прежде чем он снова рухнул на лежанку с тихим стоном.

Я отступила, поставила пустую пиалу в таз с водой и подошла к очагу. Нужно было готовить следующее. Налила воды в небольшой котелок, бросила туда щепотку измельченной коры, сушеных ягод шиповника и душистых корней. Накрыла крышкой и лишь тогда позволила себе опуститься на грубую деревянную табуретку, которую придвинула к лежанке.

– Когда же я что? – спросила я тихо, глядя на его профиль, искаженный болью. – Убью вас, наконец? О чем вы говорили?

Он промолчал, только его веки слегка задрожали.

– Когда же ты прекратишь тут появляться и оставишь меня в покое? – наконец выдохнул он, и в его голосе, слабом и хриплом, звучала не злоба, а бесконечная, измученная усталость.

– Да вы и не хотите, чтобы я оставляла вас в покое, – парировала я. – Вы, наверное, ждете, что за вами придут. Что вас спасут.

– Мои люди... придут. Обязательно придут.

– А зачем им это? – спросила я, наклоняясь чуть ближе. – Зачем им спасать вас?

Он открыл глаза и уставился в закопченный потолок, будто не видя его.

– Я... князь, – прошептал он, и в этих двух словах был весь ответ – вся вера в незыблемость титула, в автоматическое повиновение, в то, что его статус сам по себе является достаточной причиной для войны.

– В княжестве – да, вы глава, – продолжила я, не отрывая от него взгляда. – У вас власть, казна, люди исполняют приказы. Но я не об этом. Я о культуре. Кто вы там? Не думаю, что вы на самой вершине. Там, должно быть, есть кто-то... или что-то... выше. Я права?

Он плотно сжал веки и замолчал, всем видом показывая, что разговор окончен.

– Вам придется, – я почувствовала, как холодная волна раздражения поднимается внутри меня. – Придется со мной говорить. Должны же быть какие-то знаки, отличия. Как вы узнаете своих?

Я вскочила с табуретки и зашагала по тесной, закопченной комнате, чувствуя, как стены давят.

– Должны быть метки. Как вы посвящаете людей? Как отличите своего от чужого? В книгах Агафьи ничего об этом нет.

– Ты не найдешь, – хрипло выдохнул он, не открывая глаз. – Это сокровенное знание. А зачем мне делиться им с тобой? Я все сделал правильно. Древние... заберут меня к себе. Нужно лишь немного подождать...

Он снова закашлялся, и тело его согнулось от спазма. Его рана под повязкой выглядела все хуже – края покраснели, появился гнойный запах.

Еще немного, и заражение или простая потеря крови сведут его в могилу. А этого я пока допустить не могла. Мысль позвать Рагира уже не казалась такой крамольной. Но я все еще надеялась вытянуть информацию сама.

– Так скажи, – настаивала я, останавливаясь у его изголовья. – Как я могу отличить ваших? Каков ваш настоящий план? Вы же не хотите обратить в свой культ всех подряд, не всем же кружиться в безумных плясках. Вам нужны те, кто будет работать, кормить, строить. Так для чего это все? Должна быть какая-то конечная цель...

Я не получила ответа. Он снова отгородился молчанием. Раздражение перешло в холодную решимость. Я вернулась к очагу, где булькало мое новое зелье.

Я добавила в котелок щепотку высушенных, ядовито-синих лепестков «сонной сныти» и горсть размолотого корня мандрагоры – компонентов, о которых с ужасом писала Агафья в разделе «Истина на грани безумия».

Перемешала длинной деревянной ложкой. Жидкость зашипела, заклоубилась и начала испускать едкий, сизо-зеленый дым с запахом гари и горелого миндаля. Воздух в избе стал густым и удушающим.

Я поспешно подошла к лежанке и, не обращая внимания на его слабые попытки сопротивляться, крепко привязала его запястья и лодыжки к прочным ножкам кровати сыромятными ремнями.

– А это еще зачем? – просипел он. – Думаешь, сбегу?

– Думаю, попытаетесь, когда начнется, – коротко бросила я.

Быстро вышла на улицу, захлопнув за собой дверь, и сделала несколько глубоких вдохов чистого воздуха.

Легкие горели. Рагир все еще стоял у забора, наблюдая за происходящим.

– Я дала ему кое-что, – сказала я, откашливаясь. – Нужно подождать три-четыре часа. Потом распахнуть все окна и двери, проветрить. Этим дымом дышать нельзя. Если кому-то нужно будет войти – только с мокрой тряпкой на лицу и ненадолго. После этого... он будет очень разговорчив.

– Мои люди тем временем кое-что выяснили, боярыня, – сказал Рагир, подходя ближе. Его лицо было серьезным.

– Что именно?

– Сначала не придали значения, но когда убрали тела – и стражников, и тех, кто в белом, – заметили одно и то же. У всех, кто явно был из культа, на правой лопатке... клеймо.

– Клеймо? – я замерла.

– Да. Как на скотине ставят. Выжжено. Знак – круг, внутри него спираль, и посередине крест.

– И у всех оно было?

– У всех, кого мы проверили. Без исключения.

Я обернулась и посмотрела на запертую дверь дома, из-под которой уже выползала тонкая струйка зеленоватого дыма.

– Князя мы пока не проверим. Но спросим. Позже, – сказала я. И, почти неосознанно, коснулась руки Рагира, чтобы привлечь его внимание, но тут же одернула ладонь, словно обожглась. Этот жест близости показался мне странным и неуместным. – Мне... мне нужно ненадолго к детям, к Зареме. Мне кое-что нужно проверить. А потом вернусь. И мы поговорим с ним вместе.

Глава 4

Я направилась домой. Деревня понемногу оживала, но это было уже не то мирное, пусть и бедное, поселение, что я помнила. Каждый стук топора, каждый разговор звучал приглушенно, настороженно.

Страх витал в воздухе, виднелся в опустевших взглядах людей. Мы больше не думали о процветании, о будущем урожае или новых ремеслах. Мы думали только о выживании. О том, как пережить сегодняшний день и защититься от завтрашнего.

Я зашла в дом, где Зарема убирала со стола после скудного обеда.

– Боярыня, вы припозднились. Сейчас накрою на стол, поешьте.

– Не стоит, Зарема, – махнула я рукой, скидывая с плеч плащ. – Кусок сейчас в горло не полезет.

– Что-то случилось? – по ее лицу пробежала тень тревоги.

– Есть подозрение... У всех членов культа есть клеймо.

– Какое клеймо? – Зарема скомкала в руках тряпицу и опустилась на скамью.

– На спине, у лопатки. Выжжено. Это пока неточная информация, но все погибшие – и стражники, и те, кто в белом – имели такой знак. Князя мы еще не проверяли. Пытаюсь вытянуть из него правду. Окурила его... особым зельем.

– Вы стали неплохо разбираться в зельях, боярыня, – в голосе Заремы прозвучало неодобрение, смешанное с жалостью.

– Пришлось, – горько усмехнулась я. – Я бы лучше занималась благоустройством нашей деревни. Но я даже не знаю, за что браться. Мужчины охотятся, женщины собирают корни. Кое-как перебьемся, но надолго ли? Стоит ли сейчас налаживать ремесла, добычу? Какой в этом смысл, если мы отрезаны от всех, если караван не рискнет к нам подъехать? Я боюсь, нас могут стереть с карты, и никто даже не заметит.

– Все образуется, боярыня, – попыталась успокоить меня Зарема. – Добро всегда побеждает зло.

– Только в сказках, Зарема. А в жизни побеждают деньги, сталь и власть. А ни того, ни другого, ни третьего у меня сейчас нет.

– Зато есть поддержка людей. Вы же знаете. И не только этой деревни.

– Я очень на это надеюсь, – прошептала я, поднимаясь. – Очень. Я направилась к своей комнате.

– Вы куда, боярыня? Вам бы поесть, сил набраться.

– Не сейчас, Зарема. Нужно мысли в порядок привести.

Поднявшись наверх, я переделалась в свою теперь привычную «лесную» форму – грубые шерстяные брюки, прочную куртку, высокие сапоги.

Платья казались пережитком другой, безвозвратно ушедшей жизни. Затем взяла спрятанный под кроватью арбалет и колчан с болтами. Последние дни я уделяла тренировкам все больше времени. Приходилось учиться новому. Раньше я и подумать не могла, что буду держать в руках что-то тяжелее иглы или учетной книги.

Я вышла из дома и направилась к опушке леса, где мы устроили импровизированный стрельбище. Поставив на пень деревянную мишень, я начала стрелять.

Один выстрел, второй, отходила дальше, снова стреляла. Методично, почти механически, заглушая внутреннюю тревогу ритмом взведения тетивы и глухим ударом болта в цель. Подходила, проверяла попадания, собирала стрелы, начинала снова.

И тут, в промежутке между выстрелами, я услышала шорох – не звериный, а человеческий, неосторожный. Я мгновенно замерла, насторожившись. Быстро собрала болты и бесшумно скрылась за толстым стволом сосны.

По лесной тропе шли люди. Четверо. Двое мужчин, двое женщин. Одна из женщин, совсем юная, была страшно худа, лицо ее было восково-бледным, она шла, почти цепляясь за руку спутника.

– Скоро, скоро придем, потерпи еще немного, – ободряюще говорил один из мужчин, высокий и жилистый, с лицом, изборожденным морщинами и заботой.

Я взвела арбалет, вставила болт и, сделав глубокий вдох, вышла на тропу прямо перед ними, перекрывая путь.

– Кто такие? И куда путь держите?

Мужчины инстинктивно шагнули вперед, заслонив женщин своими телами.

– Не стреляйте! Мы без оружия! – испуганно поднял руки старший.

– И без сил... и без еды, – тихо, чуть слышно добавила бледная девушка.

– Мы ищем боярыню Ольгу, – сказал второй мужчина, помоложе. – Говорят, ее деревня где-то в этих краях.

– Если вы ее ищете, то уже нашли, – ответила я, не опуская арбалета, внимательно изучая их. Они не были похожи на воинов. Руки у мужчин были рабочими, мозолистыми, скорее ремесленниками или крестьянами. Женщины выглядели изможденными, но не озлобленными.

– Вы... боярыня? – прищурилась та, что была постарше, робко выглядывая из-за плеча спутника.

– Да, я боярыня здешних мест. А вы откуда и зачем?

– Мы из села Слезное, – вышла вперед старшая женщина, ее голос дрожал. – Нам сказали... что вы уже в курсе насчет князя и его...

– Кюльта, – договорила я за нее.

– Да. Мы... сбежали. Путники на дороге подсказали, что у вас можно найти спасение. Говорят, вы помогаете людям.

– Насчет спасения не обещаю, но кров дать сможем. Однако сначала мы вас проверим.

– На что? – они переглянулись в тревоге.

– На то, не свои ли вы. Проходите вперед. И не оборачивайтесь.

Я пропустила их вперед и пошла следом, держа дистанцию, не спуская с них глаз. Мы вышли на небольшую поляну у опушки.

– Присядьте здесь. И ждите. Никуда не уходите, – указала я на поваленное дерево.

Они послушно опустились на бревно, сбившись в кучку. Я, не оборачиваясь к ним спиной, отошла в сторону и заметила одного из людей Рагира, дежурившего неподалеку. Я жестом подозвала его.

– Кто такие? – тихо спросил он, подбежав.

– Говорят, беженцы из соседнего села, от культа. Проверь их. Про клеймо на лопатке знаешь?

– Слышал.

– Посмотри, есть ли. Если нет – найди им место в деревне, в пустом доме.

Пока его человек шел выполнять поручение, я отправилась искать самого Рагира. Нашла его у поломанного частокола, где он руководил работами.

Я вкратце рассказала о встрече.

– Если молва о вас пойдет дальше, людей будет прибывать все больше, – покачал головой Рагир, идя со мной обратно к поляне. – Не уверен, сможем ли мы всех принять. Но и бросить их на произвол судьбы нельзя. На крайний случай – будем помогать ставить избышки в лесу, пусть обживаются сами. Но кормить всех... У нас у самих запасы на исходе.

– У вас доброе сердце, боярыня, – сказал он, и в его голосе прозвучала не привычная насмешка, а что-то вроде уважения. – Но будьте осторожнее. Времена нынче смутные. Могут быть и шпионы. Клеймо – хорошая примета, но мы не уверены, что оно у всех.

Я взглянула на солнце, уже клонившееся к лесу. Пора.

– Пойдем к этим людям, поговорим. А потом – к князю. Пора выпытать у него всю правду. Помещение должно уже проветриться. Он должен стать разговорчивым.

Глава 5

Когда мы вошли в дом, едкий дым уже почти рассеялся, оставив после себя лишь призрачный запах горелых трав и чего-то горького. Я оставила дверь распахнутой настежь для сквозняка и зашла первой.

Князь по-прежнему лежал на лежанке, привязанный ремнями. Когда моя тень упала на него, он с трудом приподнял голову. Глаза его были остекленевшими, но в них вспыхнула яростная, звериная ненависть.

– А, это ты... дрянная выскочка, – прошипел он, и голос его был хриплым, разбитым. – Надо было тебя уничтожить сразу... Но Неждана... она уговаривала... говорила, ты будешь ценна... что можно перетянуть...

Я подвинула к лежанке грубый деревянный стул и села, глядя на него сверху вниз. Рагир остался стоять у двери, его фигура загораживала выход.

– Сколько лет вы в этом культе? И какова его численность?

– Пять... пять лет, – вырвалось у него почти само собой, и он тут же сжал челюсти, глаза широко раскрылись от ужаса и ярости. Он понял. Понял, что больше не властен над своими словами.

Он боролся с собой, стискивая зубы до хруста, лицо его побагровело от нечеловеческого усилия. Но зелье было сильнее его воли.

– Несколько тысяч... Может, уже и больше... – слова выходили с трудом, сквозь стиснутые губы. – Черт возьми... Что ты сделала? Что ты влила в меня?!

Я обменялась взглядом с Рагиром, а затем вернулась к князю.

– Правда, что у каждого члена культа есть клеймо? На правой лопатке?

– Да... – выдохнул он, и в этом звуке была капитуляция. – Ставят при вступлении... Огнем и железом...

– Какой окончательный план у вашего культа? К чему вы идете?

Князь снова попытался замкнуться в молчании, напрягая все силы. Жилы на его шее вздулись, тело затряслось в судорогах сопротивления.

– Не скажу!

– Ты там главный?

– Нет...

– Неждана?

– Да...

Я встретилась взглядом с Рагиром и увидела в его глазах то же самое удивление, что было во мне. Холодная, расчетливая свекровь оказалась серым кардиналом всей этой безумной машины.

– И что она задумала? Какой у нее план? – настаивала я.

Он снова замотал головой, отрицая, лицо его пылало, челюсти были стиснуты так, что, казалось, зубы вот-вот раскрошатся. Он дернулся, пытаясь порвать ремни, но они лишь глубже врезались в кожу.

Я резко подскочила, наклонилась над ним и, прижав его плечи к лежанке, впиалась взглядом в его переполненные страхом глаза.

– Это ритуал, да? Готовится какой-то большой ритуал!

– Да... – прохрипел он, и это было похоже на стон.

– Какой? Что они собираются делать?

– Позвольте мне, княгиня, – шагнул вперед Рагир, его голос прозвучал холодно и методично.

– Какого черта ты называешь ее княгиней?! – выплюнул князь, и слюна с кровью брызнула на его подбородок.

– Потому что, дорогой *бывший* князь, она займет ваше место. Очень скоро ее изберут люди. И я ей в этом помогу.

– Ты... разбойник... ничтожество... Я прикажу казнить тебя!

– Сейчас вы не можете приказать даже мухе, – равнодушно парировал Рагир. – Так где и когда состоится этот ритуал?

– Не знаю!

Но тело князя выдавало его с головой – он дрожал как в лихорадке, пот струился с него градом, смачивая рубаху.

– Знаешь. И ты сам понимаешь, что чем больше будешь врать, тем хуже тебе будет. Говори. Тебе все равно уже не жить. – Голос Рагира был спокоен и страшен этой ледяной уверенностью.

– Зачем... зачем мне говорить...

– Где и когда? – я повторила вопрос, и мой голос прозвучал как удар хлыста.

– Следующее полнолуние... У Медвежьей горы...

Я обернулась к Рагиру и тихо прошептала:

– Это в двух-трех часах хода отсюда, на северо-востоке.

– И что там будет происходить? – продолжал допрашивать Рагир.

Князь снова зарычал, пытаясь бороться, скрежеща зубами. Я заметила, как на его нижней губе выступила алая капля – он прикусил ее до крови.

– Скорее! Держи ему челюсть! Он хочет откусить себе язык! – резко скомандовал я.

Рагир молниеносно рванулся вперед, сильной рукой вцепился князю в лицо и зажал челюсть, не давая ей сомкнуться. Тот захрипел, его лицо было багровым от усилия и бессилия. Он уставился на меня диким, обезумевшим взглядом.

– Там... там мы получим силу... Древнюю, истинную силу богов... И будем поклоняться только им... А вы... все вы...

– Ну и будете поклоняться, – холодно перебила я его. – И что дальше? Вы будете кружиться в своих танцах. А кто будет пахать землю? Кто будет печь хлеб, шить одежду, растить детей? Об этом ваши «древние боги» позаботились?

Князь будто осекся. В его помутневших глазах на мгновение мелькнуло что-то вроде изумления, будто он впервые услышал такой простой, приземленный вопрос. Казалось, он никогда об этом не задумывался.

– Вы... такие, как вы... будете нам служить... До конца дней...

– Я очень в этом сомневаюсь, – отрезала я и встала. – Рагир, привяжи его надежнее. Пойдем. Нужно собрать твоих людей и составить план. У нас есть место и срок. Теперь мы знаем, куда и когда нужно нанести удар.

Мы направились в таверну – единственное более-менее просторное помещение в деревне. Рагир позвал своих ближайших людей, я привела только Игната.

Внутри было темно и душно, пахло старым дымом, пережаренным салом и кислым хмелем, витавшим над пустыми кружками.

Заняв стол в самом углу, подальше от случайных ушей, мы с Рагиром по очереди изложили все, что удалось вытянуть из князя. Рагир настойчиво называл его «бывшим князем», и это звучало как приговор и обещание одновременно.

– И каков наш дальнейший план? – спросил Игнат, его лицо в свете сальной свечи было суровым и сосредоточенным.

– Нам нужно решить это вместе, – сказала я, обводя взглядом сидящих. – Отныне все важные решения мы принимаем сообща. Культ – наша главная и единственная угроза. Если они решат ударить по нам первыми, возможно, мы сможем отбиться. Но я допускаю, что сами фанатики в белом воевать не станут. Они пришлют остатки княжеской стражи. Нам может повезти – некоторые из стражников перейдут на нашу сторону или просто разбегутся. Но это лишь надежды. Поэтому я считаю: нужно бить первыми. Уничтожить змеиную голову.

– Вы говорите о вашей свекрови? – уточнил Игнат.

Я кивнула, чувствуя, как сжимается горло от ненависти и горечи.

– Да. О Неждане.

– А боярин Мирослав? – осторожно спросил Игнат. – Не может ли он помочь? Может, за время, что его держат, он одумался?

– Сильно сомневаюсь, – хрипло бросил Рагир, отхлебывая из кружки воды. – Там уже не мозги, а одно болото. Его не спасти.

– Так давайте не будем ждать, пока они нас задавят! – вполголоса, но страстно произнес один из людей Рагира, коренастый бородач. – Разведем и раздавим это гнездо!
Остальные мрачно закивали.

– Предлагаю не тянуть до самого полнолуния, – сказал Рагир, положив ладони на стол. – До него еще четыре дня. Но лучше выступить завтра. У нас будет время на разведку и возможность действовать, а не ждать, пока они соберут все свои силы.

Начались лихорадочные сборы, омрачаемые лишь тихими, но полными ужаса причитаниями Заремы, которая снова ломала руки, провожая меня взглядом.

Я и сама была полна тревоги. Мысли о детях, о том, что может случиться, грызли меня изнутри. Но я понимала – отступить поздно. Моим детям нужен родитель, нужна хотя бы мать, потому что отец их давно и окончательно отказался от этой роли.

Но если я сейчас останусь отсиживаться в тылу, то боюсь, что потеряю не только себя, но и любой шанс дать им безопасное будущее.

Поэтому, отогнав страх, я снова пошла в дом Агафьи. Я плотно закрыла дверь на кухню, заглушив едва слышные хриплые проклятия, которые князь выкрикивал в мою сторону, и принялась за работу.

Вначале перелистала потрепанные книги, выбрав рецепты самых действенных – и самых опасных – зелий и ядов. Затем собрала с полок нужные ингредиенты: сушеные корни, смолотые в пыль кристаллы, склянки с маслянистыми жидкостями. И принялась варить.

Работала всю ночь, пока глаза не слипались от усталости и едкого дыма. Только под утро, когда за окном посветлело, я закончила. Разлила готовые составы по небольшим, крепко закупоренным флаконам, аккуратно уложила их в дорожную сумку из плотной кожи и, едва держась на ногах, побрела домой.

Я рухнула на кровать в одежде и провалилась в тяжелый, беспокойный сон. Меня разбудила Зарема уже ближе к полудню.

– Боярыня, вы спали всего несколько часов, но Рагир уже здесь. Ждет.

– Несколько часов мне хватило, – с трудом разлепила я веки, чувствуя, как тело ноет от усталости, но разум уже был ясен и собран.

Я подошла к шкафу и уже собиралась надеть привычную походную одежду, как снова раздался стук.

– Что еще, Зарема?

– Рагир... просил передать, – она зашла в комнату и протянула мне большой, тяжелый сверток, перевязанный ремнями.

Я развернула его. Внутри лежали доспехи. Не грубые, снятые с убитого врага, а аккуратно сработанные: кожаный панцирь, усиленный стальными пластинами, поддоспешник из мягкой замши и даже легкая, но прочная кольчужная рубаха.

Все было идеально по моему размеру, с учетом женской фигуры. Я даже представить не могла, где и как он успел раздобыть или, что более вероятно, заказать это.

Я переделалась. Кожаный панцирь сидел как влитой, не стесняя движений, но давая ощущение защиты. Повесила за спину арбалет и колчан, на пояс – короткий, острый нож.

Затем я спустилась к детям. Увидев меня, они замерли, а затем их лица озарились восхищением.

– Мама! Ты как настоящая воительница! – воскликнул старший.

– Мама-герой! – подхватила младшая.

Я присела, обняла их, прижала к себе, вдыхая детский запах, и прошептала им на ухо, чтобы слушались Зарему, что я ненадолго, но должна уйти. Я пообещала, что обязательно вернусь. Говорить это было невыносимо тяжело, сердце разрывалось на части, но выбора у меня не было.

Я вышла на улицу, где уже собрался небольшой отряд. Мой дорожный мешок с зельями я приторочила к седлу лошади. Рагир, уже сидя верхом, кивнул мне. Я вскочила в седло, в последний раз обвела взглядом родные, израненные дома и лицо Заремы в окне, держащей на руках моих детей.

– В путь, – скомандовала я, и мы тронулись, оставляя за спиной деревню и увозя с собой хрупкую надежду.

Глава 6

Путь до Медвежьей горы занял больше времени, чем мы ожидали. Лес, еще недавно казавшийся враждебным и таинственным, теперь встречал нас молчаливым, почти благожелательным сочувствием.

Дорогу знали и люди Рагира, и Игнат — охота и давние тропы памяти вели нас верным курсом.

К вечеру мы достигли края большого старого ельника, за которым, как предупреждали знающие, лежала широкая каменистая ложбина у подножия горы.

Именно там, судя по словам князя, должно было собираться «змеиное гнездо». Мы остановились в густой чаще, в последнем укрытии перед открытым пространством.

Первым делом отправили на разведку самого ловкого из людей Рагира — парня по имени Свирид, который мог двигаться бесшумнее лесного зверя. Пока он уходил в сгущающиеся сумерки, мы с Рагиром обошли периметр, выбирая места для лагеря и возможные пути отхода. Он все делал молча, профессионально, но я ловила на себе его взгляд — оценивающий, пытливый.

Когда стемнело окончательно и большинство наших, съев скудный ужин, устроились спать, мы с Рагиром остались у небольшого, тщательно замаскированного костра. Пламя отбрасывало дрожащие тени на его изборожденное шрамами лицо.

— Переживаешь, — сказал он негромко, не как вопрос, а как констатацию факта.

— Разве можно не переживать? — Я подбросила в огонь сухую ветку. — Там, в ложбине, могут быть сотни людей. А нас — два десятка.

— Не сотни, — покачал головой Рагир. — Сотни фанатиков не соберутся за три дня в глуши. Но и два десятка... да, маловато для лобовой атаки.

Он помолчал, глядя на огонь. Казалось, в эти минуты с него спала вся бравада и показная дерзость.

— Ты не похож на них, — вдруг сказала я, сама удивившись своим словам.

— На кого? На княжеских палачей? — он усмехнулся.

— Нет. На того, кем тебя считают. На разбойника. В душе... ты другой.

Рагир не ответил сразу. Он долго смотрел на меня через пламя, и в его глазах что-то дрогнуло — какая-то старая, давно запрятанная боль.

— В лесу, боярыня, нет места таким словам, как «добрый» или «справедливый», — наконец произнес он, и голос его звучал устало. — Там есть «выживший» и «мертвый». Я выбрал быть выжившим. А для этого иногда приходилось делать то, от чего теперь... — он махнул рукой, будто отгоняя муху. — Но ты права в одном. Я никогда не трогал слабых. Не отнимал последнее. И не предавал своих. Может, это и есть моя жалкая справедливость.

— Это больше, чем есть у многих, кто носит титулы, — тихо ответила я.

— Ты говоришь о князе? Он и его сородичи давно забыли, что такое справедливость. Они помнят только власть. — Рагир наклонился вперед. — А ты... ты хочешь не просто вернуть свое. Ты хочешь что-то построить. Правильно?

Я кивнула, не в силах вымолвить слово. Мысль о будущем, о мирной жизни, о детях, растущих без страха, в эту ночь казалась такой же далекой и призрачной, как звезды за кронами деревьев.

— А что будет, если... если у нас получится? — спросила я, глядя на него. — Что будет с твоими людьми? С тобой?

Он пожал плечами.

— Если выживем — увидим. Земли хватит на всех. Мои ребята устали от скитаний. Многие хотят осесть, семьи завести. Может... может, и правда стоит попробовать. Под твоим, так сказать, началом. — В его голосе вновь прозвучала знакомая насмешливая нотка, но теперь в ней не было дерзости, а было что-то вроде... надежды.

В этот момент из темноты материализовалась тень. Свирид вернулся. Он был бледен, но глаза горели азартом.

— Всеволод, боярыня... Лагерь там. Человек пятьдесят, не больше. В белых балахонах. Строят в центре ложбины что-то вроде каменного круга, алтарь. Но самое главное — стражей нет. Ни одного воина в доспехах. Только эти... фанатики. И почти все уже спят, уставшие от работы. Охрана — две полудремлющих фигуры у входа в ложбину.

Он перевел дух, и его следующая фраза прозвучала как приговор и как шанс:

— Сейчас. Сейчас самый лучший момент. Пока они не собрали все силы, пока не пришла стража. Если ударить сейчас — есть шанс все закончить одним ударом.

Рагир медленно поднялся, и в его осанке, в каждом движении вновь появилась та хищная, железная решимость, которую я знала.

— Слышала, княгиня? — он повернулся ко мне, и в его взгляде больше не было места для сомнений. — Судьба дает нам окно. Не воспользоваться им было бы глупостью.

Слова Свирида повисли в ночном воздухе, густым от лесной сырости и напряжения. Шанс. Окно. Мне хотелось схватиться за эту соломинку, но другой вопрос горел на языке.

— Всеволод, — тихо начала я, глядя на его решительный профиль в свете углей. — А что... что будем делать с ними? С этими пятьюдесятью? Убивать спящих?

Рагир повернул ко мне голову. В его взгляде не было ни кровожадности, ни сомнения — только холодный расчет.

— Нет. Убийство полусотни безоружных, хоть и безумных, людей — это не победа. Это резня. И после нее ни мы, ни наша земля спокойно спать не будем. Мы будем палачами в своих же глазах.

Он наклонился, чертя схему палкой на земле.

— Будем брать по одному. Осторожно. Бесшумно. Мои люди умеют. Будем вытаскивать их из лагеря, связывать, кляпать в рот и прятать здесь, в лесу. Отдельно друг от друга. Без вождей, без обрядов — они просто стадо. Когда лишим их главных — Нежданы и, возможно, еще пары старших — остальные либо разбегутся, либо сдадутся.

Он выпрямился.

– Это риск. Шум, одна тревога – и все сорвется. Но это путь с наименьшей кровью. Твой путь, как я понимаю.

Я посмотрела на него и кивнула, чувствуя странное облегчение. Он понял. Понял, что я не смогу отдать приказ на бессмысленную бойню.

– Хорошо, – сказала я. – Действуйте. Я... я буду наблюдать отсюда. Не стану мешать.

– Как знаешь, – коротко кивнул Рагир. – Игнат останется с тобой. Если что – даешь сигнал, и мы отступаем.

Он бесшумно растворился в темноте, собирая своих людей. Через несколько минут началась операция. Я с Игнатом устроилась на небольшом пригорке под прикрытием густой ели, откуда был виден край ложбины и слабые огоньки лагеря культистов.

Следующие часы тянулись мучительно медленно. Каждая минута казалась вечностью. Мы не видели самой работы – только иногда в разрыве между деревьями мелькала тень, бесшумно скользящая в сторону леса с каким-то грузом на плече. Потом – еще одна. И еще. Тишина стояла абсолютная, звенящая. Ни крика, ни шума борьбы. Только нервное стрекотание сверчка где-то рядом и стук моего собственного сердца.

Игнат сидел, не шелохнувшись, устремив взгляд в темноту. Я же не могла усидеть на месте – внутренняя дрожь заставляла меня то вставать, то снова присаживаться, то прислушиваться к каждому шороху.

Так прошло два, три часа. Звезды над головой сместились. Огоньки в лагере погасли – там все спали, ничего не подозревая. А в нашем лесу, в расщелинах, за валежником, под густыми лапами елей, росло число связанных и обезвреженных пленников.

Двадцать... двадцать пять...

Наконец, когда восток начал чуть светлеть, из предрассветного мрака материализовалась фигура Рагира. Он подошел к нам, его лицо и одежда были влажными от росы, но в глазах горела усталая, жестокая победа.

– Тридцать один человек, – тихо доложил он. – Все сидят в лесу под присмотром. В лагере остались те, кто спал в самом центре, у главного шатра. Охрану сняли еще в первый час. Теперь там... практически пусто. Только шатер Нежданы и, возможно, еще пара старших.

Он сделал паузу и посмотрел на меня.

– Пойдем, боярыня. Там есть кое-что, что тебе стоит увидеть.

Я, сжав в руке рукоять ножа, кивнула. Мы бесшумно, как призраки, спустились в ложбину. Лагерь культистов, еще недавно бывший символом ужаса, теперь выглядел жалко и пустынно. Белые шатры поникли, костры догорели. В центре, на каменном нагромождении, действительно виднелось нечто вроде алтаря. Но Рагир вел меня мимо, к самому большому шатру, из которого еще струился слабый свет.

– Тихо, – прошептал он у самого входа, приподнимая полог. – Смотри.

Я заглянула внутрь.

И застыла.

Шатер был не жилищем. Он был храмом, склепом и сокровищницей одновременно. На грубо сколоченных столах лежали не золото и драгоценности, а нечто куда более ценное и страшное: связки древних, истлевших манускриптов; странные ритуальные предметы из

темного дерева и кости; склянки с жидкостями, мерцавшими в свете единственной лампы неестественным, ядовитым светом.

А на дальнем конце, на невысоком помосте, стоял большой деревянный идол, он казался гнетущим и живым.

И повсюду на стенах, на столах, даже на полу – символы. Тот самый знак: круг, спираль и крест внутри. Он был везде. Это было сердце культа. Его мозг. И теперь оно беззащитно билось у нас перед глазами.

– Здесь, – тихо сказал Рагир, входя внутрь и подходя к центральному столу. – Здесь она держала всю свою власть. Ищи. Ищи все, что может рассказать об их планах. О ритуале. О том, где она сама.

Я шагнула внутрь, чувствуя, как холодный, сладковатый запах благовоний и чего-то гнилого обволакивает меня. Страшный шатер был наш. Оставалось найти в нем ключ к окончательной победе.

Глава 7

Я осторожно перебирала пергаменты на центральном столе, стараясь не прикасаться к склянкам с подозрительным содержимым.

Листы были испещрены странными символами, похожими на витиеватые письма, но ничего знакомого — ни кириллицы, ни даже греческой вязи. Однако один из свитков, развернутый и прижатый к столу резным обсидиановым ножом, привлек мое внимание.

На нем был не текст, а схема. Четкий рисунок, выполненный углем или темными чернилами.

В центре — стилизованное изображение Медвежьей горы. Вокруг, по краям ложбины, где мы сейчас находились, были расставлены маленькие, но четкие фигурки людей.

Они образовывали два concentрических круга. А в самом центре, у подножия горы, был нарисован большой алтарь, и возле него... всего три фигуры, но выделенные особым знаком.

– Всеволод, – тихо позвала я. – Посмотри.

Он подошел, наклонился над схемой, и его брови поползли вверх.

– Расстановка для ритуала, – безошибочно определил он. – Внутренний круг — главные. Наружный — основная масса. Все как князь говорил. Полнолуние, все в сборе... это был бы идеальный круг для заклинания. Или для бойни, если в него войти.

В этот момент полог шатра тихо отодвинулся, и внутрь проскользнул Свирид. Его лицо было озабоченным.

– Всеволод, боярыня... Шатер, который мы приняли за шатер Нежданы, пуст. Ни постели, ни вещей. Только вот такой же идол поменьше да пустой кубок. Она... она, похоже, еще не прибыла сюда.

Рагир выпрямился, и в его глазах засверкал знакомый, холодный азарт охотника.

– Не прибыла... – протянул он. – Значит, она ждала, когда соберутся все ее овцы, когда все будет готово. И появилась бы как раз к полнолунию, как главная жрица.

Он обвел взглядом шатер, наш, полный мрачных тайн, а затем снова посмотрел на схему.

– Тогда мы меняем планы, – сказал он решительно. – Засада. Не мы будем штурмовать ее убежище, а она сама придет в нашу ловушку. Сюда.

– Сюда? – переспросила я, оглядывая тесное, душное пространство шатра. – Ты хочешь устроить засаду прямо в ее святилище?

– Именно, – кивнул Рагир, и на его губах появилась жесткая усмешка. – Это последнее место, где она будет ждать нападения. Ее сердцевина. Ее власть. Мы очистили периметр, взяли в плен ее приспешников. Остались, судя по схеме, лишь самые посвященные, те трое у алтаря, да она сама. И они явно еще не здесь.

Он положил ладонь на схему, прямо на центр.

– Мы соберем людей, надем на них белые рясы и будем ждать прибытия Нежданы.

– Это безумно рискованно, – прошептала я. – Если нас обнаружат раньше... Если она поймет?

– Боярыня, вы думаете Неждана способна различать обычных людей и запоминать их лица?

– Ты прав. Она слишком зациклена на себе. Для нее люди все на одно лицо, она даже Зарему за столько лет запомнить не может. Свирид кивнул и исчез.

Рагир снова посмотрел на меня.

– Тебе, боярыня, тоже стоит уйти в укрытие. В соседний шатер.

Я покачала головой, чувствуя, как страх сменяется ледяной решимостью.

– Нет. Если это ее святилище... то здесь могут быть ответы. На что-то большее, чем этот ритуал. На то, зачем ей все это было нужно. Я останусь здесь. Спрячусь. – Я указала на дальний темный угол шатра, за тяжелым деревянным сундуком, уставленным свитками.

Рагир хотел было возразить, но встретил мой взгляд и, кажется, понял, что спорить бесполезно. Он лишь кивнул.

– Хорошо. Но при первом же признаке опасности – сигнал. И тогда мы действуем, не дожидаясь ее.

Он вышел, чтобы распределить людей. Я осталась одна в зловещей тишине шатра, где пахло ладаном, сухими травами и влажным пергаментом. Я взяла со стола ту самую схему, аккуратно свернула ее и спрятала за пазуху. Затем забралась в указанный угол, за сундук, прижав к себе арбалет. Отсюда был виден и вход, и большая часть шатра.

Снаружи, в предрассветной серой мгле, начиналось тихое, невидимое движение. Наша маленькая группа превращалась в капкан.

А приманкой должно было служить самое сердце тьмы, в котором я сейчас пряталась. Мы ждали паучиху, чтобы раздавить ее в самом центре ее же паутины.

Глава 8

Подготовка к встрече растянулась на долгие, мучительно напряженные сутки. Рагир послал гонцов к своей основной группе, и те помогли отвести связанных пленников еще дальше в лес, к заранее подготовленному тайному лагерю.

Мы не могли обрекать их на голодную смерть или оставлять замерзать – даже врагов. Пришлось выделять людей для охраны и заботы о них, что ослабляло наши и без того скромные силы.

Чтобы поддерживать видимость жизни в лагере, Рагир прислал несколько своих самых хладнокровных бойцов. Они переоделись в белые балахоны, снятые с пленных, и теперь с важным, отрешенным видом расхаживали между шатрами, разводили костры, создавая иллюзию, что в ложбине все идет своим чередом.

Каждый их шаг заставлял меня сжиматься от страха – одно неверное движение, один промах в поведении, и вся наша хрупкая мистификация рухнет.

Мне из главного шатра практически не позволяли выходить. Я томила в его душной, пропахшей благовониями полутьме, прислушиваясь к каждому звуку снаружи.

Страх, что нас раскроют, был постоянным, ледяным спутником. Если это случится... Я даже не могла додумать мысль до конца. Это означало бы конец всему.

И вот, наконец, настал момент. С наблюдательного поста на краю ложбины поступил условленный сигнал – три коротких свиста птицы. Мы увидели, как вдаль, по лесной дороге, медленно катятся несколько крытых повозок, запряженных усталыми лошадьми. Они были еще далеко. У нас оставалось несколько драгоценных часов.

Мы бросились завершать приготовления. Люди Рагира под белыми одеяниями тщательно спрятали короткие мечи, ножи и дубинки. Я, оставаясь в шатре, разложила на полу свои склянки и флаконы с зельями, принесенные из дома Агафьи.

Одни могли усыпить, другие – вызвать смутнение и панику, третьи... третьи были страшнее. Я осторожно расставила несколько бутылочек у основания зловещего алтаря, за идолом, маскируя их складками темной ткани.

На всякий случай. Сердце колотилось не только от страха, но и от холодной решимости. Я должна была встретиться с ней. Не просто увидеть, а победить. Окончательно.

Заняв свою позицию в самом темном углу шатра, за массивным сундуком со свитками, я отогнула край полога и устроила себе крошечную щель для обзора. Отсюда был виден и вход, и часть лагеря, куда должен был подъехать караван.

Мое сердце замирало и снова бешено стучало при каждом новом звуке приближающихся повозок. Казалось, они движутся вечно.

И вот, наконец, усталые кони втянули повозки на край ложбины. Я затаила дыхание, вжимаясь в тень. Видела, как наши переодетые люди на мгновение замешкались, но затем, взяв себя в руки, двинулись навстречу, изображая покорных слуг, и начали помогать разгружать тюки и ящики.

И тогда появилась она.

Неждана вышла из самой большой повозки с видом королевы, ступающей на свои владения. Она была облачена в белоснежные, вышитые серебром одежды, которые развевались на ветру.

На ее голове красовался венок из черного терновника и увядающих белых цветов, выглядевший одновременно жутко и нелепо. Лицо было густо набелено и нарумянено, губы – ярко-

алые, а волосы, обычно собранные в строгий узел, были теперь уложены в сложную прическу с длинными, неестественно завитыми локонами.

Эта маска неуместной красоты на лице зрелой, жесткой женщины была отвратительна.

Рука сама потянулась к арбалету, но я с силой прижала ее к груди. «Не сейчас. Еще рано».

Она прошла несколько шагов, высоко подняв голову, и ее голос, громкий и проникновенный, разнесся по затихшему лагерю:

– Настал великий час, дети мои! – возвестила она, и в ее тоне слышались триумф и сладость долгожданной власти. – Скоро наша сила станет безграничной, а власть – нерушимой! Готовьте свои сердца и души. Осталось всего несколько часов до самого важного, самого священного таинства в вашей жизни!

Она медленно шла между мнимыми последователями, одаривая их властными, самодовольными улыбками, абсолютно уверенная в своей безопасности и преданности окружающих.

Она не видела ловушки. Не чувствовала десятков чужих глаз, следящих за каждым ее движением из-за пологов шатров. Она была на вершине, в самом сердце своего царства. И это должно было стать ее главной ошибкой.

Она либо действительно ничего не подозревала, либо ее самоуверенность была безграничной. Из-за своего укрытия я разглядела несколько стражников в потрепанной, но узнаваемой княжеской форме.

Они стояли поодаль, у разгруженного обоза, и на их лицах, освещенных заходящим солнцем, читалась не столько бдительность, сколько глубокая, костная усталость и апатия.

Какая-то серая безысходность. Почему-то мне показалось, что они совсем не рады здесь находиться. Но, может, это лишь мои догадки, порожденные жалостью.

И тут я увидела, как Неждана, закончив свой торжественный обход, направилась прямо к главному шатру – к тому, где я пряталась. Сердце ушло в пятки.

В тот же миг прямо мимо моего укрытия, почти касаясь полога, бесшумно прошел Рагир. Он даже не повернул головы, но его жест был красноречивее слов – сжатый кулак с оттопыренным большим пальцем, направленный вверх, а затем резко вниз. Сигнал.

“Будь готова”.

Время тянулось мучительно медленно. Солнце скатилось за горы, небо окрасилось в багровые и лиловые тона, а затем стало темно-синим, бархатным. На нем уже висела огромная, почти полная луна, холодная и безразличная. Сегодня была та самая ночь.

Неждана, войдя в шатер, больше не показывалась. Казалось, она растворилась в его полумраке. Стражники у обоза, не получив никаких новых приказов, сбились в кучу, кто-то присел на корточки, кто-то и вовсе прилег на землю, завернувшись в плащи.

Они уснули почти мгновенно, сраженные усталостью. Что же это за предводительница, которая даже не позаботилась дать своим людям нормального ночлега? Насколько же ей наплевать на их жизни? Или, может, в ее коварном плане эти изможденные воины были не более чем расходным материалом, чья участь была предрешена?

Я по-прежнему сидела в своем углу, слившись с тенями, стараясь даже не слишком громко дышать. И вдруг полог у входа чуть дрогнул, и внутрь, как призрак, проскользнул Рагир. Он присел на корточки рядом со мной.

– Ну что, все спокойно?

– Слишком спокойно, – прошептала я в ответ. – Даже лучше, чем мы думали. Она заперлась у себя и не показывается. Значит, все идет по нашему сценарию. Ждем ночи, когда она выйдет и начнет собирать людей на свой ритуал.

– Как же она может быть такой слепой? – тихо, с нескрываемым изумлением спросил он.
– Как она не видит, что вокруг нет ни одного знакомого лица? Все чужие.

– Может, видит, – еще тише ответила я. – И просто готовит какой-то свой ответный ход? Какую-то ловушку внутри ловушки? Рагир, давай я попробую пробраться в ее шатер. Тихо, посмотреть...

– Даже не думай, – он схватил меня за запястье, и его хватка была железной. – Это самоубийство. Слишком опасно. Я сам попробую разузнать.

– Нет! – я высвободила руку. – Твое лицо могут узнать. Тем более она. Тебе нельзя даже близко попадаться ей на глаза.

– Я и не попадаюсь, – он усмехнулся. – Хотя... я пару раз проходил совсем рядом со спящими стражниками. Они даже не шелохнулись. Будто мертвые.

– Я их тоже видела. Они выглядят не просто уставшими. Они... опустошенные. Что она с ними делает?

Рагир пожал плечами, и в его глазах мелькнуло что-то жесткое.

– Не удивлюсь, если опаивает какими-то зельями. Чтобы покорными были, как скот.

– Знаешь, люди, которые с ней приехали... они все выглядят странно. Заторможенные, будто не в себе. Я все же должна попробовать. Хотя бы подобраться к ее шатру, послушать.

Он долго смотрел на меня, и в его взгляде шла борьба – между желанием защитить и пониманием, что я могу быть права.

– Хорошо, – наконец выдохнул он. – Только будь чертовски осторожна. И сделай это прямо перед самым началом ритуала, когда все внимание будет на подготовке. Я не хочу, чтобы она успела его провести.

– Она его не проведет, – с ледяной уверенностью сказала я. – Ни за что.

– Но нам нужно знать, что именно она задумала, – голос Рагира стал серьезным и тихим.
– Даже если мы уничтожим ее сегодня... – он запнулся на этом слове, – нельзя исключать, что появятся другие фанатики, которые попробуют повторить это безумие. Мы должны знать наперед, с чем можем столкнуться снова. Каков ее конечный замысел.

Я молча кивнула, понимая всю тяжесть его слов. Это была не просто месть. Это была борьба за будущее, которое должно было быть свободным от этого мрака.

Рагир еще раз предостерегающе посмотрел на меня, а затем так же бесшумно, как и появился, растворился в темноте шатра, оставив меня наедине с тревогой, растущей луной и тайной, что скрывалась за пологом шатра моей свекрови.

Дождавшись, когда сумерки сгустились в настоящую, почти непроглядную ночь, я выбралась из своего укрытия. Вместо главного входа, я двинулась к задней стенке шатра Нежданы. Полог здесь был завязан на простые, но тугие кожаные шнуры. Пальцы, дрожащие от напряжения, развязали их почти бесшумно. Я приоткрыла ткань и заглянула внутрь.

Неждана не спала. Она сидела на коленях прямо на голой земле перед низким каменным алтарем, уставленным черепами мелких животных и черными свечами.

Ее руки были сложены на столе, а лоб покоился на них. Она что-то шептала – быстрый, монотонный поток странных, гортанных слов, похожий на заклинание или молитву.

Я проскользнула внутрь, едва дыша, и замерла за большим резным сундуком с металлическими уголками. Отсюда я могла видеть ее и слышать каждый звук. И тут я заметила странное сияние – не от свечей. Над самой головой Нежданы висел, пульсируя, туманный сгусток сизо-зеленоватого света.

Неждана резко вскинула голову, будто отозвавшись на зов. Внутри светящегося марева я увидела облик. Человеческий? На мгновение мне показалось, что черты лица мне знакомы, но почти сразу я поняла – нет. Это было размытое, лишённое четких контуров лицо, сотканное из сполохов магии и теней. Оно не было человеческим. Или перестало им быть.

– Сегодня? – прошептала Неждана, и в ее голосе, обычно таком властном, слышались трепет и подобострастие.

– Через несколько часов все свершится, – раздался ответ. Голос был мужским, низким, и звучал он не в ушах, а прямо в сознании, холодный и безжизненный, как скрип льда. – Ты готова? Уверена, что на этот раз не подведешь? Ошибок больше не будет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.